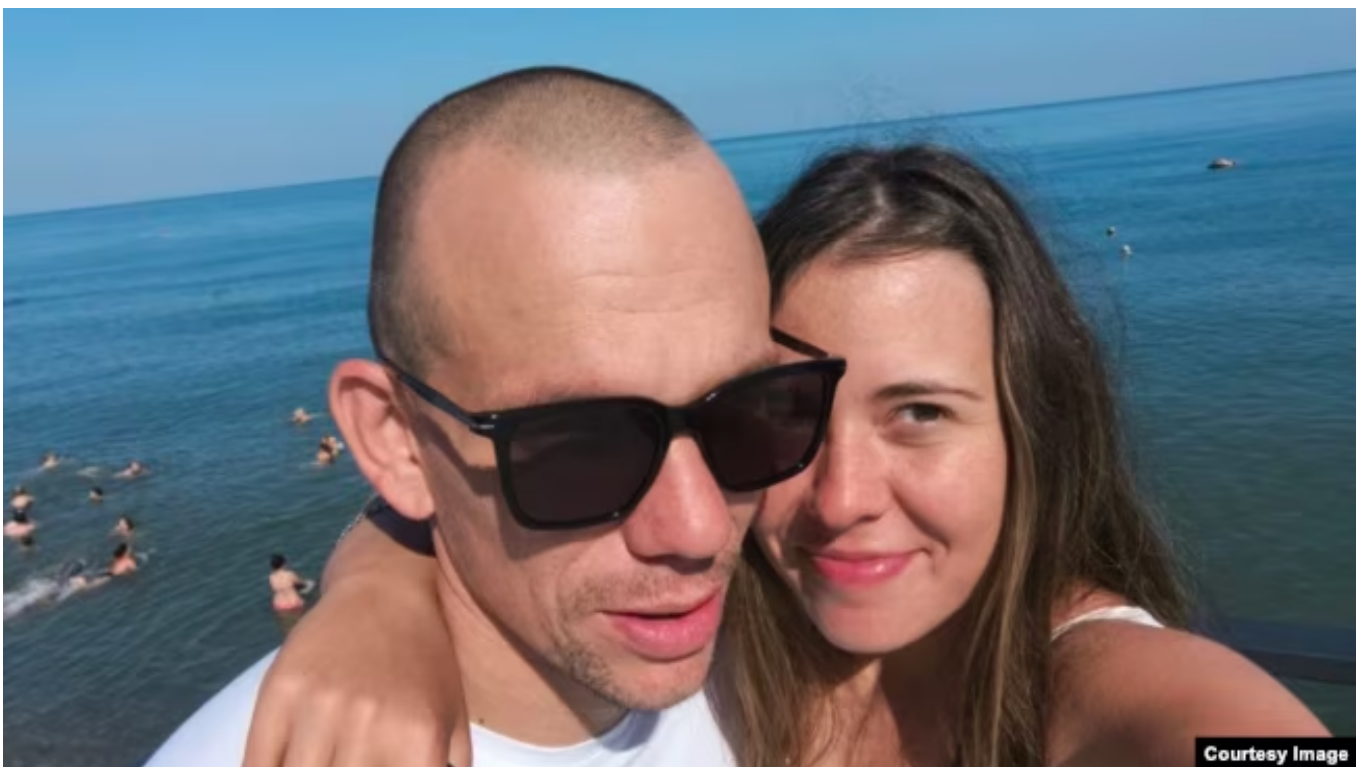

"Мы были Зетниками в худших проявлениях". Одиссея дезертиров Садовниковых

Север. Реалии

12 августа 2026

 Приоритетный источник в Google

Алиса и Сергей Садовниковы

333 километра на каяке по Черному морю за восемь суток преодолели российские дезертиры супруги 30-летняя Алиса и 37-летний Сергей Садовниковы. Они сбежали с фронта, несколько месяцев скрывались от военной полиции в Краснодаре, а потом по морю решили выбираться в Европу.

Конечным пунктом их плана была Испания, которая наряду с Германией и Францией рассматривает заявления российских дезертиров на убежище. Но их сначала задержали греческие, а потом турецкие пограничники. Сейчас Садовниковы находятся в депортационном центре в Турции, турецкие власти уже вручили им постановления о депортации в Россию, но адвокат супружеской пары

подал иски против этой меры, что временно затормозило процедуру. Север.Реалиям стали известны эксклюзивные подробности этой истории.

Север.Реалии подтвердили личность и детали биографии супругов Садовниковых, как и некоторые обстоятельства и события, о которых они говорят, но мы не можем ручаться за правдивость всех без исключения деталей их истории.

|"Надо идти на фронт, родине помогать"

В депортационном центре города Айдын за западе Турции "стоит ужасная жара, но двери всегда закрывают, хотя это не тюрьма", – жалуется корреспонденту Север.Реалий Алиса Садовникова.

– Нам с Сергеем разрешают видеться два раза в неделю по часу, телефон дают на 15 минут в день, – говорит Алиса.

Она окончила Московский институт электронной техники и до подписания военного контракта работала в школе № 609 Зеленограда, преподавала математику. Дополнительно вела курсы физики и открыла с другом в Москве возле метро "Бауманская" кафе. А потом решила отправиться на войну. Говорит, что "подписала контракт в ноябре 2023 года под действием эмоций и пропаганды".

– Считала, что кто не идет – тот трус, и все в таком духе. Причины были иррациональные. Мы с Сережей два дол..ба, я не буду ничего придумывать, так и есть: мы поверили тому, что рассказывает телевизор, мы пошли за родину, за Русь, против "укрофашистов", мы были искренними Зетниками в худших проявлениях, – оправдывается сейчас Алиса.

Алиса и Сергей Садовниковы

С Сергеем она познакомилась уже в армии, он преподавал у нее тактическую медицину.

Сам Сергей свое решение отправиться на войну объясняет корреспонденту Север.Реалий трудным детством.

– Родители мои погибли, когда мне было три года, воспитывался я в детдоме в Кировской области. Там нам всегда про патриотизм рассказывали, за Россию и против фашизма, – говорит Сергей.

После детдома он устроился разнорабочим. По его словам, "покуривал травку, а однажды взял у приятеля сверток и увез его к другому приятелю" – его арестовали, дали 5,5 лет (ст. 228 УК РФ, незаконный оборот наркотических средств). Отсидел "от звонка до звонка", после освобождения в 2022-м устроился опять разнорабочим.

Посетители "ЧВК Вагнер центр", Санкт-Петербург

– Но началась война, постоянная агитация. Везде реклама ЧВК "Вагнер", опять же все мужики кругом только про войну и говорили, и как надо спасать русских. В общем, в ноябре 2022 года подал заявку в "Вагнер", все было очень быстро, – вспоминает Садовников. – Прибыл в контору, в Молькино, там народу тьма. Меня сразу спросили: что умеешь и кем себя видишь? Я: ничего не умею, кто нужен? Нужны были штурмовики, пулеметчики, снайперы и медики. Я записался в медики. Прошел там же, в Молькино, подготовку тактического медика – и на войну. Я и своих спасал, и украинцев спасал, их, правда, потом убивали в подвале... Самый ужас был в Соledаре. *(Один из ключевых городов в Донецкой области, который был полностью разрушен, брали его силами заключенных, которые несли колоссальные потери, осада длилась больше полугода, взят российской армией в январе 2023 года. – Ред.)* Я был в разведке, медиком, заходили через кладбище, потом вытаскивал наших. У меня с собой был только большой медицинский рюкзак. Выходил последним, по мне начал работать снайпер. Девять раз я поднимался на холм и спускался, пытаюсь выйти. Ничего хуже в моей жизни не было. Каждый раз, когда я выполнял свою работу, я очковал, мне было страшно. То, что было и что я там видел, не описать словами.

После бунта Пригожина 23–24 июня 2023 года, в котором, по словам Сергея, он тоже участвовал, он два месяца ничего не делал, потом вернулся на старую работу. Проработал там всего месяц. И вновь отправился воевать – уверяет, что опять из "лучших побуждений".

– Война идет, люди гибнут, медики нужны. Я решил вернуться и в ноябре 2023-го заключил контракт с Минобороны. Но там оказалось хуже, чем в ЧВК: никакой дисциплины, разгильдяйство и воровство, наплевательское отношение к людям, необоснованные штурмы, – перечисляет Сергей. – Просто глупые приказы идти вперед, люди шли – и погибали, погибали, погибали. Мы вытаскивали раненых, зашивали, их отвозили на вторую линию обороны, а там про них забывали – кто-то из них гнил, лекарств нормальных не хватало. И когда доходили до крайнего состояния, их отправляли дальше. Избивали бойцов за малейшую провинность, привязывали к деревьям или пристегивали наручниками, они по двое суток так стояли. Или сажали в ямы – там вообще могли месяцами держать. Хлеб и сухпак кидали им как собакам.

К местным на захваченных территориях относились не лучше, утверждает дезертир.

– Они и так под бомбежки все время попадали, а после того, как Россия захватывала эти территории, местных избивали, забирали мебель. Я несколько раз пытался это остановить, но мне сказали, что это не мое дело, не лезь, будет хуже *(эти утверждения нашего собеседника редакция проверить не может)*. Были и расстрелы мирных жителей, и плачущие бабушки... Жена, а она у меня женщина мудрая, говорила, что надо уходить, мы тут не правы. А я все искал следы фашистов, о которых нам рассказывали. И за все время моей проклятой службы, как я ее теперь называю, так ни одного и не увидел, хотя раньше думал, что украинцы сошли с пути и взяли курс на фашистскую идеологию, как нам пропаганда рассказывала. Но ничего такого я там не видел: ни в Бахмуте, ни в Запорожье, ни в Херсоне. Нам нельзя было затевать эту драку, Путин все соки высосал из русского народа и уничтожает украинцев. Я просто раздавлен, я не знаю, как мне просить прощения у этого народа.

|"Мы поняли: надо тикать"

По словам Алисы, сначала они с Сергеем служили вместе в тыловой части.

Алиса Садовникова

– Мы влюбились, все классно. Попали в одну часть. Потом Сережу перевели в 76-ю Псковскую дивизию, а оттуда за "ленточку". Я тоже туда хотела, потому что в нашей части отношение к женщинам было ужасным, по принципу "баба – мразь последняя", я даже не знаю, как и чем это можно объяснить. Могли сказать: "Мне что, еще ширинку расстегнуть?", представляете, вот так, это полковник какой-то, – возмущается Алиса. – Я быстро поняла, что из армии надо тикать. Мы пытались уволиться, но это вообще невозможно. Я приложила массу усилий, чтобы оттуда перевестись, и чтобы в новую часть перевели Сережу, это разрешено Порядком положения о военной службе. Вместе с юристом мы составляли рапорта, чтобы служить вместе как муж и жена, но они все терялись, их даже не регистрировали. С августа до ноября 2024 года я была в новой части в Крыму, а Сережа все так же был на передке. Но физически мы были друг от друга недалеко. Поскольку мы обращались во все инстанции, то стали большой проблемой. А на передке легко избавиться от человека.

– Меня раз отправили (в бой), второй отправили, получил ранение. А меня снова в бой, потерял там друга, началось мясо жесткое. Все понятно стало. Из моей группы стали забирать помощников и отправлять в штурма. И на моих глазах, в 100 метрах от меня, убили две роты, – вспоминает Сергей.

Алиса говорит, что когда они столкнулись с бюрократической военной машиной, у них появилось четкое ощущение, что "враги не там, где нам говорят – враги передо мной".

Алиса Садовникова

– Они воруют все, а потом пацанов пускают с голыми руками и вилами на смерть. А еще я поняла, что у меня нет ничего плохого к так называемому противнику, но до хера чего накопилось к этой вот власти и к этим командирам, я просто их стала ненавидеть, – говорит Алиса. – В части в Крыму я была единственной женщиной, меня там никто не гнобил. Помню, был день рождения Путина, в октябре, все в части отмечали, мне тоже предложили выпить за его здоровье. Я в ответ такую тираду против него выкатила! Мне сказали, чтобы я больше нигде такое не говорила.

Садовникова говорит, что весь год, пока была в российской армии, ее "преследовало ощущение безысходности".

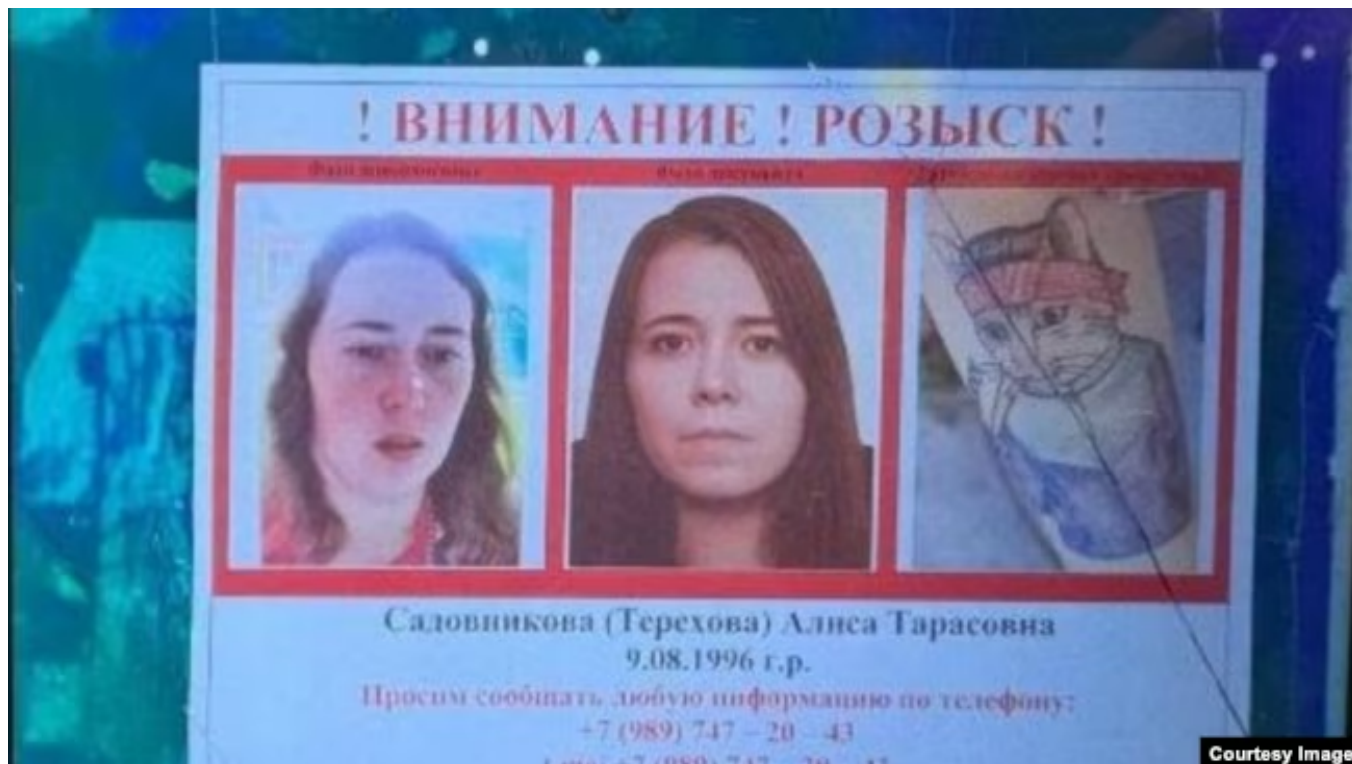
– Сколько людей вокруг мечтали оттуда свалить, но их пугали сроками, тем, что их никто нигде не ждет, так запугали, что они боялись сдвинуться. Это такая русская осторожность, граничащая с трусостью, – рассуждает она. – Да, иногда тяжело, иногда очень тяжело и физически, и морально, но пути есть, хочешь – делай.

|"Жили как крысы"

В ноябре 2024 года после всех безуспешных попыток уволиться Алиса взяла отпуск, из которого не собиралась возвращаться. Вскоре у Сергея тоже появилась возможность выбраться с фронта.

– Мы выехали из Запорожья, шли в колонне, меня поставили старшим. Когда пересекли границу, сделали остановку, жена привезла мне туда гражданскую одежду и деньги налицом, – рассказывает Сергей. – Там были ребята, которым я рассказал, что хочу валить, вместе со мной ушли еще четверо. Двоих поймали, царствие им небесное, двое еще где-то бегают. Подъехала машина, я сел в нее и уехал. Меня еще часов шесть там искали, а мы в это время уже в Краснодаре были.

Первым делом они выкинули сим-карты, за неделю поменяли четыре квартиры, выяснили, где в городе камеры. Их довольно быстро объявили в так называемый СОЧ (самовольное оставление части), фото Алисы были расклеены по всему Зеленограду, к ее маме много раз приходила военная полиция.

– Мы сидели в квартире, и каждый раз, когда поднимался лифт, у меня от страха желудок сводило. Мы жили как крысы, выходили на улицу по двум маршрутам, где мы точно знали, что камер нет, – вспоминает Алиса. – Мы очень аккуратно себя вели, никто из наших друзей не знал, где мы... И очень устали так жить, это длилось больше года, в каком-то смысле это было как в тюрьме.

В мае 2025-го они, говорит Алиса, сдали ключи от квартиры и ушли жить в лес. Купили палатку и рюкзаки по 40 кг. Через месяц переставили палатку поближе к морю, у виноградников.

– У нас были небольшие накопления, мы пытались подрабатывать, но так, чтобы не засветиться, – продолжает Алиса. – Потом осенью снова вернулись на квартиру, но перспектив по-прежнему не было: мы очень надеялись на Трампа, что он как-то разрулит. Но конца-края этому всему не видно. А я уже так не могла, потому что это не жизнь, конечно. Мы искали любую информацию, куда нам свалить и где бы нас могли принять. Мы смотрели интервью других дезертиров, и украинских, и российских, я поражаюсь, как один украинец зимой выбирался, чуть ли не месяц, настоящий Рэмбо!

| Воздух свободы

Северные страны они отметили сразу – с января по сентябрь 2023 года из Финляндии, по данным полиции, были высланы 104 гражданина России, получившие отказ в предоставлении убежища. По той же причине они отсеяли Польшу, Литву и Латвию, где российским дезертирам тоже не рады. Рассматривали побег через Грузию и дальше в Турцию. Но где-то прочитали, что там еще есть два

минных поля, оставшихся с грузино-абхазской войны 1992–1993 годов . Сергей выбираться таким образом категорически отказался.

– Меня командиры два раз пускали по минным полям, которые на картах не были обозначены, просто тропинка. И ночью, когда мы ходили за ранеными, там вообще ничего не было видно. Мой сослуживец из взвода подорвался на mine, – вспоминает Сергей. – Мы "тяжелого" эвакуировали – и обратно. А там еще один "тяжелый", до него метров 900, но это очень страшные 900 метров. Меня тоже ранило, в пах прилетело. Обезболился и назад. С тех пор у меня фобия на минные поля.

Оставалось только море. Расстояние от России до Турции по воде – 333 км. Алиса говорит, что всю техническую часть и то, где какие радары, они изучили "на 5 баллов" и поняли, что "море – это в принципе безопасно, форточки есть".

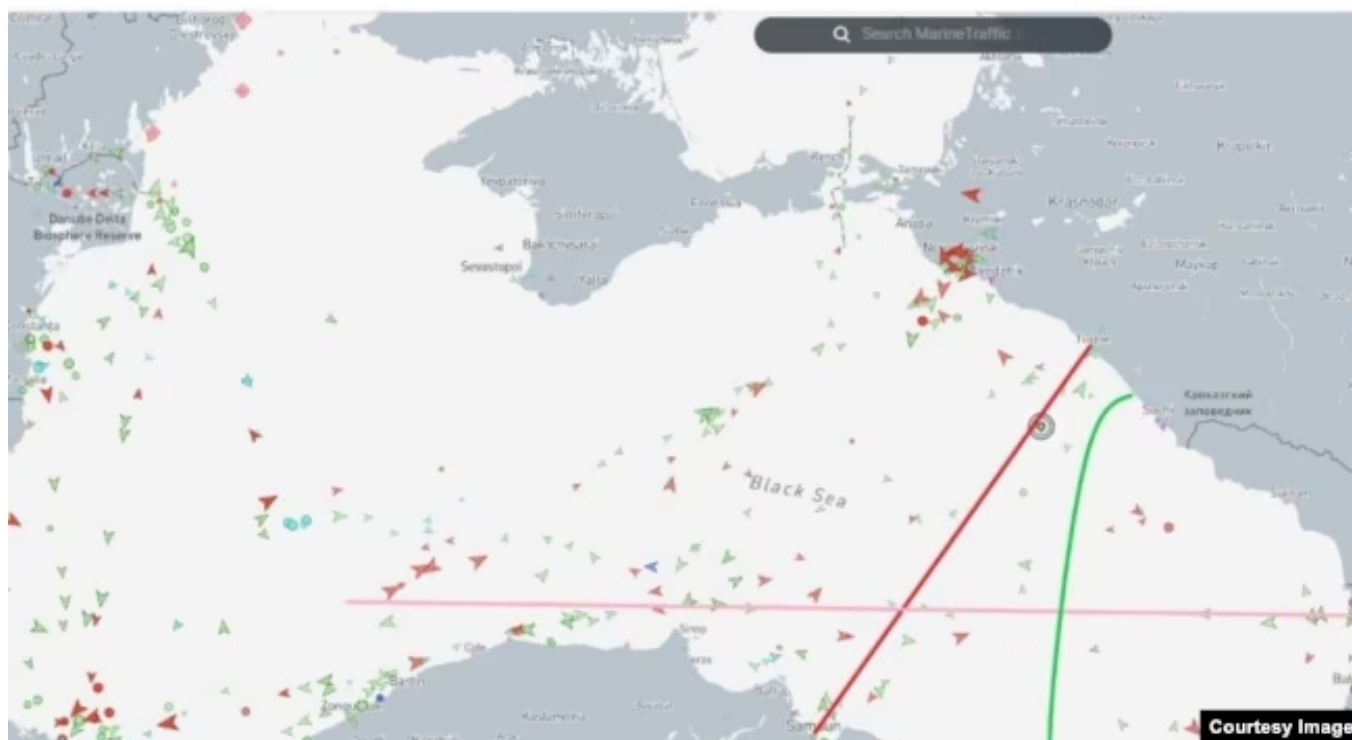

Схема побега

Садовниковы сначала рассматривали лодку с мотором, но быстро ее отменили: плохо управляемая, проблемы с бензином. Думали о парашюте – и тоже не стали, велика вероятность, что собьет ПВО, да и расстояние слишком большое для него. В итоге решили, что ничего лучше каяка с веслами нет. Алиса нарисовала парус, который взяли на судно.

– Решили стартовать между Сочи и Туапсе, пускай больше километров, зато целее будем. Купили каяк. Все, что было железное, открутили, чтобы радар не пробивал. Неделю наблюдали за лодками и кораблями, взяли с собой очень много пресной

– Погода жесть была, мы пережили четыре шторма. За секунду из ниоткуда вдруг холодный северный ветер, – говорит Сергей. – Хорошо, что попутный, но мы парус не раскрывали, иначе бы каяк перевернуло. И нас просто несло. Так и шли: один спит, другой гребет.

Их путешествие длилось восемь суток. Заснули они вместе один раз, минут на 10, с веслами в руках. Последние трое суток были без еды, осталась только вода.

– Организм начал охеревать, – говорит Алиса. – Мы всю дорогу пели: "А ты не сдерживай слез, гребь, гребь", смеялись, шутили. Но последняя ночь уже жесть была, совсем без сил. И тут ветер против нас, лютые волны, и мы просто тратим всю энергию, чтобы оставаться на месте. Это было ужасно: ты видишь берег, но море тебя не пускает.

Перед тем, как отправиться в море, они много читали, что и как чувствует человек в таком путешествии. Но трое суток без еды и постоянная гребля привели к тому, что у Алисы, по ее словам, начались "жесткие глюки".

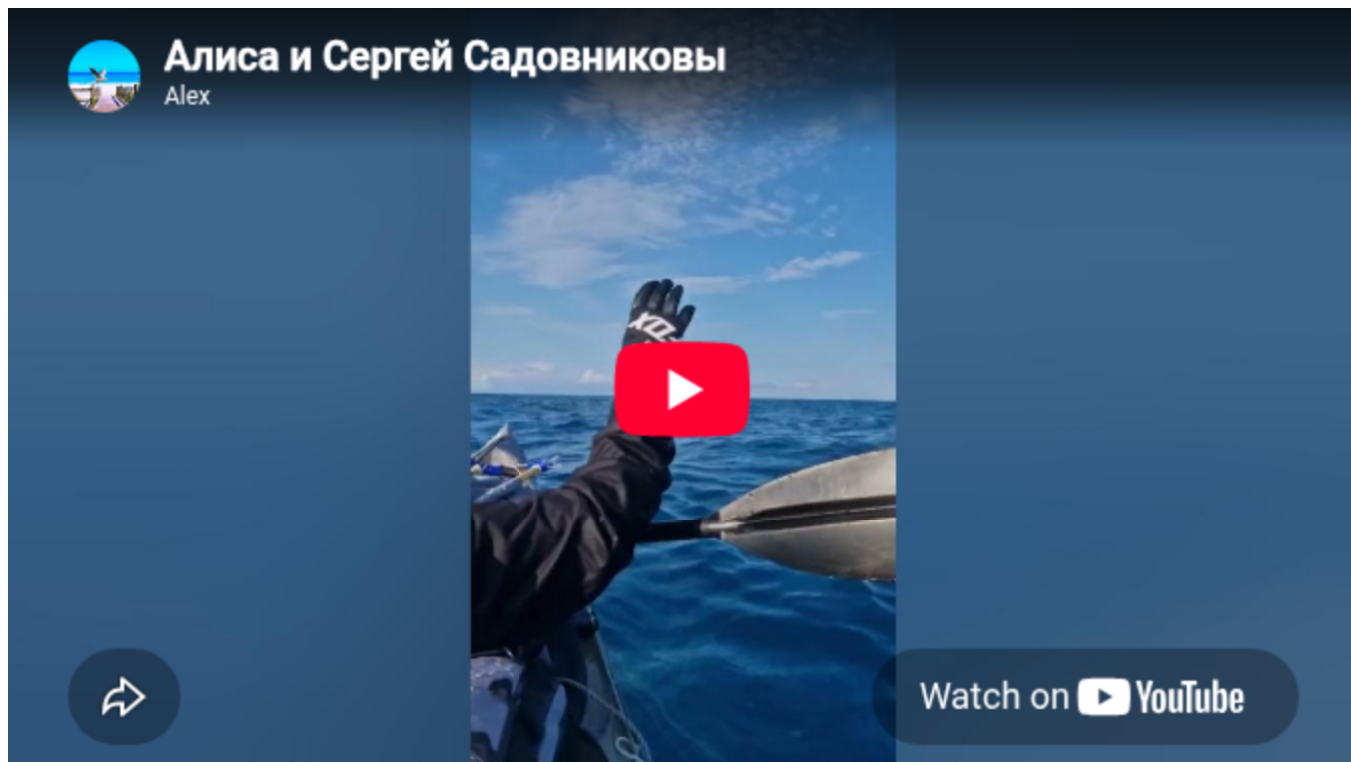
– Крыша ехать начала, мне казалось, что мы отдаляемся, у меня паника, Сережа меня успокаивал, мол, он все контролирует, – вспоминает она. – И я столько раз представляла себе, как выхожу на берег, вытаскиваю лодку, чтобы Сережа мог выйти... И вот я выхожу на берег и просто падаю, ноги за неделю разучились ходить, представляете? Руки на сардельки похожи, все в мозолях и гное. Сережа тоже выходит и падает. А ближайший магазин у черта на куличках, да еще деньги надо поменять, у нас с собой баксы были. Поставили палатку, чтобы немного поспать, и сразу вырубались. Проснулись от ужасной жары.

Они вышли на берег у турецкого города Эспие, в 95 км от Трабзона.

– Я бужу Алиску, а у нее глаза ввалились, но нам надо идти, надо поесть. А мы ничего не можем, как ходячие мертвецы, два живых трупа. До сих пор не понимаю, как мы все-таки дошли, а когда поели, жизнь наладилась, – продолжает Сергей.

| Турция–Греция–Турция

Два дня, рассказывают дезертиры, они приходили в себя. Потом познакомились с местными рыбаками, оставляли им лодку, когда выходили в город. Рыбаки нашли им знакомого владельца автодома, который как раз собирался в путь – в западную часть Турции. Погрузились с лодкой в автодом и пересекли так всю Турцию. Остановились на берегу Эгейского моря, где до Греции рукой подать (*многие греческие острова лежат всего в нескольких километрах от турецких курортов, например, расстояние от Бодрума до греческого острова Кос около 20 км, а от Чешме до Хиоса – около 8 км. – Ред.*). Конечной целью было добраться до Испании, где они планировали попросить политического убежища.

Но сначала надо было по Эгейскому морю дойти до Греции. По их расчетам, это всего 17 км. И тут им не повезло: 19 июля практически у самой границы их задержала береговая охрана Греции.

– Это были четверо сотрудников на катере – они украли у нас два дорогих телефона, двое часов, солнечную батарею, пауэрбанки. Все у нас собрали, парус, весла, посадили в лодку и отвезли назад к турецкой границе – бросили нас в море возле рыбной фермы. Нам еще повезло, что документы вернули... – говорит Алиса. – Там есть особенность, очень сильный ветер мельтеми, часов в 9 начинается, может быть до 40 км/ч, и люди просто тонут. Мы гребли пластиковыми крышками, которые были в лодке. И нас заметили турецкие пограничники. Подняли нас, спросили не холодно ли нам, предложили что-то подложить, уважительно разговаривали, в отличие от греков, которые пихали нас прямо с ненавистью.

23 июля Татьяне, маме Алисы, позвонил их знакомый из Турции и сообщил, что ее дочь с мужем задержали пограничники и отправили в депортационный центр города Айдын за западе Турции.

– Так я узнала, что они туда уплыли. Узнала бы раньше, сама бы их сдала военным, – злится Татьяна. – Ни Алиса, ни Сергей никогда в море не были, ни лодками, ни рафтингом не увлекались, это просто смертельный риск.

Адвокат Коран Айгюн, нанятый матерью Алисы, приостановил их депортацию в Россию.

Согласно международным отчетам правозащитников, в депортационном центре Айдына регулярно фиксируется физическое насилие со стороны персонала. Депортированные мигранты сообщали, что их жестоко избивали охранники перед принудительной отправкой из страны.

По словам Садовниковой, при выключенной камере охранник недавно ударил Сергея по голове, и они уже написали заявление о побоях.

Уже после разговора с корреспондентом Север.Реалий Садовниковых перевели в другой депортационный центр.

– После предполагаемого нападения их перевели из лагеря в Айдыне в лагерь в Кютахье. На этой неделе мы подадим в прокуратуру уголовное заявление в связи с обвинениями в нападении, – сообщил Север.Реалиям адвокат Садовниковых **Коран Айгюн**. Также он подал в суд ходатайство об их освобождении из лагеря, решение будет принято в течение семи дней.

– Главное, чтобы их не депортировали в Россию, где по закону им грозит до 10 лет лишения свободы, – говорит **Владимир Бернгардт**. Он сам сбежал с фронта и девять месяцев скрывался в лесах, а сейчас возглавляет организацию "Твердый знак", которая помогает дезертирам не только безопасно уйти из армии, но и жить за границей, эта же организация верифицирует истории дезертиров, в том числе Садовниковых. Алиса и Сергей связались с ним, когда готовились плыть в Грецию.

– После депортации Ариадны Литвиновой, которую в России обвиняли в дискредитации армии, Турция перестала быть безопасной страной, – замечает Бернгардт. – Литвинову отправили в Москву, после чего решением суда поместили в СИЗО "Арсеналка" Санкт-Петербурга. За две недели до ее депортации Москва и Анкара подписали программу сотрудничества, направленную на упрощение взаимодействия по делам о выдаче лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях и объявленных в международный розыск, сообщила Генпрокуратура РФ. К сожалению, ряд европейских и других стран депортируют дезертиров обратно в Россию. Садовниковы – очень храбрые и честные люди, которые признали свои ошибки и заблуждения, и они могут стать ориентиром для других дезертиров, – считает Бернгардт.

По данным с сайтов российских судов на июнь 2025 года, которые собрала "Медиазона", после вторжения в Украину в суды поступило больше 20 тысяч уголовных дел об отказе от службы.

Ассоциация "Прощай, оружие!" была создана во Франции российскими дезертирами и бывшими военными, отказавшимися участвовать в войне. Организация помогает дезертирам и другим отказникам, сопровождает их при обращении за международной защитой, занимается их верификацией и поддерживает бывших военных при возвращении к гражданской жизни. Ассоциация называет себя независимой и не связанной с политическими партиями или движениями.

– Проблема верификации российских дезертиров появилась еще в 2023 году. Антивоенные правозащитники сталкивались с тем, что не могли подтвердить истории людей, которые обращались к ним за помощью. Мы решили, что заниматься этим должны в первую очередь бывшие военные – люди, которые сами были внутри системы, понимают, как устроена армия, какие функции выполняют разные подразделения и могут разговаривать с дезертиром "на одном языке", – говорит юрист французской ассоциации "Прощай, оружие!" **Артур Алхастов.**

По его словам, организация разработала собственный протокол верификации, который включает предварительный сбор информации, ее анализ, интервью с дезертиром и подготовку заключения. Такие проверки "Прощай, оружие!" проводит в том числе для других НКО, которые помогают дезертирам с выездом в третьи страны или выступают в их поддержку перед государственными органами.

– Мы устанавливаем, действительно ли человек является российским дезертиром, как он оказался в армии, где и чем занимался, каким образом сбежал, нуждается ли в защите и нет ли оснований для отказа в ней. Около 40% наших верификаций заканчиваются отказом. Причины бывают разные: мы можем поймать человека на лжи – даже незначительная ложь является основанием для отказа, – может выясниться наличие второго гражданства или возникнуть подозрения в причастности к военным преступлениям. Есть и случаи, когда мы просто не можем прийти к определенному выводу. Например, человек больше двух лет провел на фронте, а восстановить и уверенно подтвердить его "боевой путь" невозможно. Всего за время войны к нам на верификацию обращались более 170 дезертиров.

Алхастов отмечает, что для западных государств отдельная проблема заключается в отсутствии у чиновников, работающих с беженцами, специальных знаний о российской армии.

– Универсального подхода здесь нет. Большинство стран ориентируются на Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, но она не содержит четких правил для

таких конкретных категорий. При этом сотрудники государственных органов зачастую не обладают специальными знаниями ни о российских вооруженных силах, ни вообще о специфике военной службы. Это действительно создает сложности. Однако количество российских дезертиров, которые сейчас находятся в Европе, относительно невелико. Поэтому одним из решений могли бы стать специальные тренинги для небольшого числа сотрудников, которые непосредственно работают с такими заявлениями: как использовать OSINT, разбираться в штатной структуре подразделений, документах и других данных, позволяющих проверить рассказ военнослужащего.

Этот контент также в категориях

Регионы

Общество.Север